

О возможности прогнозирования ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира и методах такого рода работы

В.Н. Рябцев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: Данная работа завершает цикл статей об особенностях анализа ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира. В ней обсуждается вопрос о возможности прогнозирования процессов в такого рода сегментах мирового геопространства. Анализируются трудности осуществления процедуры прогнозирования, связанные с многофакторной комбинаторикой геополитических процессов в турбулентной среде. Рассматриваются традиционные и инновационные методы прогнозирования процессов в слабоструктурированных, нестабильных регионах и лимитрофных зонах. Особое внимание уделяется методу сценариев, в частности «рэнд-сценированию». Отмечается, что в современных условиях важен переход к парадигме «неустойчивого развития», особое внимание к анализу и прогнозированию систем с нелинейной динамикой.

Ключевые слова: геополитически нестабильные зоны (регионы), прогнозирование, форсайт, комплексный форсайт, события и цепочки событий, проекция «запускающих кодов», тренд, сценарный метод, «рэнд-сценирование», драйверы, «джокеры», нелинейная динамика, деструкторы, синергетика.

Завершая цикл статей об особенностях анализа ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира [1-3], в настоящей работе рассмотрим вопрос о возможности прогнозирования процессов в такого рода сегментах мирового геопространства.

Размышляя о причинах малого веса экспертных рекомендаций, которыми ученые пытаются снабжать лиц, занятых принятием решений в сфере внешней политики и политики в области безопасности; о том, почему последние зачастую, мягко говоря, игнорируют то, что пишется в адресованных им многочисленных докладах и аналитических записках, ловишь себя на мысли: дело здесь не просто в величине, т.е. в объеме той информации, которую на их голову обрушивают интеллектуалы (понятное дело: читать большие работы – монографии или сборники статей – практикам просто некогда). Причина и не в форме подачи материала как таковой, не в

отсутствии умелой его презентации. Хотя это слово – «презентация» – уже прочно вошло в наш повседневный и научный оборот и, честно говоря, политологам и в особенности геополитологам надо бы активнее использовать возможности картографии, в частности технологии геоинформационных систем (ГИС-технологий). Главное, однако, в другом: материал должен быть не просто компактным и хорошо поданным («упакованным», как сегодня модно выражаться), а в том, чтобы он был *качественным*.

Иными словами, нужна хорошая, добротная и глубокая аналитика, которая базируется на четко выстроенной концепции. Благо, если она имеется. Тогда Политик оценит усилия Ученого/Аналитика и, воздав ему по заслугам, воспользуется его «продуктом». Но ведь Политика интересуется не только чисто актуальный план – то, что происходит «за окном» его кабинета сегодня, но в большей мере день завтрашний – линия, уходящая за горизонт... Поэтому спрос на аналитику – это одновременно и спрос на прогностику. Желательно, тоже качественную!

Вообще говоря, их трудно оторвать друг от друга. Недаром серьезные ученые и эксперты всегда и постоянно говорят об *аналитико-прогностической* функции концепции какого-либо международного или геополитического феномена. Что вполне понятно: без точного и полного понимания того, что происходит *сегодня*, трудно (или вообще невозможно) говорить о том, что будет *завтра* и как жить в этом «завтра». Поди-ка еще и обстоятельства могут кардинально измениться! А так у нас хоть какая-то зацепка есть...

В принципе, конечно, звучит банально: «чтобы двигаться вперед и чего-то добиваться, нужен план действий». Кто спорит? Но чтобы ставить разумные и достижимые цели, нужен адекватный ситуации и эффективный прогноз развития событий. Ибо, как сказал однажды великий Сенека, «для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра». Но не

все так просто. Не секрет, что в отношении прогностики до сих пор сохраняется немалый скептицизм, причем со стороны даже серьезных ученых. Как тут не вспомнить отрезвляющую иных оптимистов мысль классика науки А.Л. Чижевского, который писал в своем бессмертном труде: «За редчайшими исключениями во всей истории человечества мы не отыщем фактов ясного предвидения историческими лицами ближайшего будущего своих народов и государств или конечных результатов войн и революций. Исторические события, завершаясь, всегда давали иные итоги, чем те, которые были предположены при их возникновении. Получалось как будто не то, к чему стремились или чего желали люди и целые сообщества» [4]. Но даже если такая возможность и признается, то иные ученые не преминут подчеркнуть, что составление научных и вообще всяких прогнозов – дело в высшей степени трудоемкое и подчас неблагодарное. Тем более, если речь идет о точных прогнозах. Ведь, как верно замечают Н.П. Шмелев и В.П. Федоров: «Точный прогноз с соответствующими рекомендациями – самое ценное, что, абстрактно говоря, может дать научный интеллект» [5].

Но что можно считать *точным* прогнозом, и *достижим* ли он вообще? Здесь у специалистов нет единства во мнениях, хотя, в принципе, метод составления научных прогнозов и степень возможных допущений, которые при этом делаются, хорошо известны. Как, впрочем, и то, чего не стоит делать, а именно: исходить из нормативистского подхода (так называемого предугадывающего прогноза), который в конечном счете подгоняет будущее под точку зрения исследователя/аналитика. Кроме того, важно иметь не просто желательный, а наиболее вероятный прогноз. Определить его, в общем-то, не составляет особого труда. А вот сделать, условно говоря, «прогноз на прогноз» – дело куда более сложное! В этой ситуации иные из авторов довольствуются малым: если невозможно точно предсказать будущее, то надо, по крайней мере, «указать на несколько направлений, в

которых, вероятно, произойдут изменения» [6]. Что тут скажешь? Тоже ход... (хоть какой-то вариант).

Здесь многое, конечно, опирается в наличный массив научных данных и экспертных оценок. Однако трудность предсказания в современных условиях составляет не дефицит такого рода сведений, а напротив, их избыток, стремительно растущий поток. Как очень точно фиксирует ситуацию наш известный историк и политолог А.И. Уткин, «встает вопрос не нахождения фактов и статистики, а отбора *значимых* явлений и цифр, определения важного, преобладающего, выходящего на первый план». И в этом смысле, продолжает он свою мысль, основная мыслительная работа специалистов сосредоточивается на том, чтобы «обнажить главные факторы перемен, экстраполировать эти факторы на грядущее и обозначить их контуры на горизонте» [7]. Полагаем, что сказанное имеет прямое отношение и к геополитическому прогнозированию. Здесь, однако, следует оговорить один концептуальный момент.

Дело в том, что в данном случае нам приходится иметь дело: а) с *двоящимися* процессами, которые часто меняют свою *направленность* и усилиями политических игроков на сравнительно неизменных географических площадках» создают порой *сложные комбинации*, и в) с межгосударственными интеракциями, которые носят преимущественно *конфликтный характер*, что создает предельно *нестабильную* международную среду. Как говорится, задача не из легких... Как остроумно выражается А.Б. Елацков: «В чем-то она подобна задаче предсказать по неполной информации ход и результат шахматной партии, где есть свобода действий игроков, ограниченная правилами игры и рисунком шахматной доски» [8]. Иначе говоря, приходится иметь дело с много более сложными ситуациями, чем те, что имеют место при возникновении проблем между индивидами/группами/организациями или внутри организаций (корпораций).

Решающим здесь будет стихийно возникающий баланс/дисбаланс сил на конкретной «площадке» в тот или иной момент времени. Это применительно к геополитическим регионам типа жестких кластеров, да и то отчасти, можно говорить о предпочтительности работы по созданию совместных (целевых) институций, работающих на будущее, можно всерьез говорить о возможности проектирования и/или планирования. Как самый оптимальный вариант можно вести речь о построении (в буквальном смысле) будущего региона-ЖК, под недремлющим оком «Государства-Хозяина». Для образований же иного типа – ГНЗР – это не актуальная вещь. А их число в мире, тем более в условиях набирающего силу Мирового Кризиса, увы, не становится меньше.

Сказанное напрямую касается особенностей и схемы организации работы геополитологов-«региональщиков». При прогнозировании ситуаций в регионах-ЖК она проще, чем при «работе» с образованиями типа МК. Занимаясь прогностикой применительно к последним, особенно, если это касается работы международных «команд», аналитикам очень сложно, например, использовать такую форму коллективной мысле-деятельности, как форсайт. (Последний, заметим, как сравнительно новая методика научно-интеллектуальной работы популярна в научном и экспертном сообществе Запада. В последнее время она привлекает все больше внимания и отечественных специалистов. Характеризуя ее особенности, С.Б. Переслегин указывает, что изначально методика форсайта была разработана как средство согласования позиций лиц, принимающих серьезные решения (не важно: в бизнесе, политике или дипломатии), что позволяет иным авторам трактовать ее не столько как методику *исследования*, сколько как *политический* инструмент. «По сути дела, пишет он, методика представляет собой своеобразный "круглый стол", участники которого обмениваются своим видением перспектив развития в тех или иных областях. Свободный формат дискуссии обеспечивает возможность высказать самые различные

предположения и гипотезы, а также обсудить возможные последствия тех или иных событий и реакции на них. В итоге участники получают некое общее представление о перспективах развития и о действиях в той или иной ситуации» [9-11]). Но в любом случае главное действующее лицо – сам исследователь, выступающий в качестве прогностика. От его профессионализма и эрудиции, от его (основанной на многолетнем опыте) интуиции и обладании всей полнотой необходимой информации зависит *какие* именно выводы он «экстраполирует» в будущее *и что* получит в итоге. При этом он (повторимся) не имеет права «подгонять» свой прогноз под исходные политико-идеологические установки, выдавать желаемое за действительное и, тем более, выступать с такими «прогнозами», которые больше похожи на некие «заклинания».

Иначе говоря, ключевая роль – за конкретным исследователем или аналитиком. Тем более, что в геополитической науке (и региональная ее часть – не исключение) специалисты уже достаточно давно столкнулись с проблемой соотношения мнения большинства и меньшинства, с ситуациями, когда чрезмерный рост числа участников нередко понижал точность результатов прогнозирования. В итоге, как отмечает тот же А.Б. Елацков, произошел частичный возврат к индивидуальным формам экспертизы с опорой на *неординарных* специалистов. Формы мышления последних попытались даже автоматизировать в виду обучаемых компьютерных «экспертных систем» [7].

Ну а теперь более подробно о том, с чем же конкретно геополитологу-«региональщику» приходится иметь дело, занимаясь прогностикой применительно к ГНЗР, и какой инструментарий он при этом может использовать. Ограничимся при этом наиболее общими вопросами.

Говоря об исторических сдвигах и тектонических, непривычных для ума многих, трансформациях современного мира, такой яркий исследователь и

оригинальный мыслитель, как А.И. Неклесса, очень точно замечает: все это (что было сказано нами выше) «лишний раз указывает на дефектность привычной картографии, неполноту категориального аппарата и тривиальность ординарных («школярских») схем политологии». И еще: «Транзитный характер времени становится между тем очевиднее, однако формальное прочтение ландшафта новизны – все менее внятным, предвещаая, судя по ряду признаков, в не очень отдаленном будущем очевидный акт масштабных перемен и возможность массового схода социальных лавин» [8]. Полагаем, что прежде всего это относится к тому, чтобы мы смогли найти точное «нахождение» и роль в этом грядущем...интересующих нас ГНЗР.

Однако, занимаясь составлением прогнозных сценариев относительно того, как будут разворачиваться события в ГНЗР (например, в лимитрофных зонах с «повышенным индексом беспорядка»), видя все дивергентные движения, которые характерны для таких сегментов мирового геопространства, мы встаем перед выбором: каким же все-таки путем идти? Какую методику «работы с будущим» избрать? В этом плане в качестве инструментария нас в наличии оказывается целый ряд методик прогнозирования. Они достаточно хорошо описаны в литературе. Если перечислить их по степени сложности и, следовательно, большей научной эффективности, то картина будет таковой: традиционные «размышления о будущем» (*future studies*), технология «Дельф», методика сценирования Г. Кана, составление «альтернативных сценариев» с ее модификацией в виде «рэнд-сценирования», стратегическое имитационное моделирование (обычно проводится в форме ролевых игр с прицелом на анализ мотивации всех вовлеченных в процесс субъектов; исторически этот произошел из «военных игр», использовавшихся для отработки вариантов проведения военных операций) [12], форсайт и его современная модификация – комплексный форсайт. Тот же С.Б. Переслегин отмечает, что со временем методика

форсайта была расширена за счет включения в нее работы по сценарированию событий, использования данных различных моделей, экспертных опросов, привлечения лиц, принимающих решения и активную работу по продвижению результатов [13].

Чему же все-таки отдать предпочтение? Непростой вопрос. Ответ на него предполагает прояснение того, какой концептуальный подход разделяет автор, в какой интеллектуально-научной парадигме работает. Поэтому подчеркнем здесь один *принципиальный* для нас момент. Геополитическое предсказание или, точнее говоря, прогностика – не есть что-то отдельное от научного анализа, свободный полет фантазии, своего рода «гадание на кофейной гуще». Это прямое продолжение собственно исследовательской работы, если угодно, пролонгация аналитики. Следовательно, работу над прогнозными сценариями надо выводить из анализа «конкретики», которой мы занимались на предшествующем этапе.

Здесь у нас под руками оказывается, прежде всего, такой «строительный материал», как событие (события). В этом плане есть исследователи (такие, например, как Г. Киреев), которые считают, что проводимое по определенной методике проецирование на будущее событий происходивших ранее или происходящих ныне событий дает достаточно точные образы того, к чему ведет дальнейшее их развитие. Хотя тот же Г. Киреев замечает, что надо «выделять и определять события, которые проецируют глобальные (читай: наиболее важные. – *В.Р*) сдвиги и механизм запуска этих сдвижек». Автор проводит еще одну важную мысль, согласно которой «сегодня все более широкому кругу людей становится ясно, что прогноз или предсказание на самом деле есть, прежде всего, реализация способности рассмотреть проекцию "запускающих кодов". К нам приходит понимание того, что есть некоторые действия (события), которые, по сути, являются "запускающими

кодами", программирующими будущие глобальные сдвиги в виде модернизаций либо катастроф» [14].

Достоинством работы Г. Киреева является также, что он пытается предложить свою методику работы, позволяющую с высокой степенью вероятности прогнозировать развитие геополитических процессов. У него она выглядит следующим образом: а) определение того, где происходят сегодня ключевые процессы и кто является их главными субъектами; б) определение движущей силы геополитической активности в системе, т.е. понимание того, какие противоречия являются на сегодняшний день для нее определяющими; в) указание на вектор изменений – на то, в каком направлении вовлеченными в процесс игроками движет главное противоречие; г) выявление того, какие процессы идут в русле главного направления развития геополитической ситуации; д) выявление событий и действий, которые выполняют (либо могут выполнить) роль "запускающих кодов" тех или иных процессов; наконец, е) собственно проецирование будущего, в ходе чего мы получаем ясное представление о том, что станет результатом развития происходящих сегодня событий.

Соглашаясь с основным посылом автора, мы, тем не менее, не можем принять его схему полностью, поскольку, во-первых, не совсем согласны с самой процедурой геополитического прогнозирования (в его терминологии «проецирования») и той очередностью шагов, которые он предлагает, а во-вторых, потому, что Г. Киреев выводит свою модель на уровень глобальных обобщений, т.е. задает самый высокий ракурс геополитической прогностики. Мы же работаем с таксоном ниже – с геополитическим регионом, тем более, с таким «деликатным» материалом, как ГНЗР. Так что здесь необходимы несколько иные шаги и (честно говоря) несколько более сложная работа.

Отсюда наш вариант, предполагающий поэтапную стратегию в виде таких шагов, как:

а) выявление отдельно взятого (но весьма значимого) события в двусторонних межгосударственных отношениях;

б) прослеживание цепочки аналогичных событий в формате этих же отношений в какой-либо одной сфере;

в) прослеживание нескольких цепочек событий в том же формате в ряде связанных между собой сфер (в экономике, политике, военных делах и медийном пространстве);

г) фиксацию множества разных цепочек событий, проявляющихся в формате двусторонних и многосторонних межгосударственных отношениях (но уже с участием внерегиональных акторов);

д) прослеживание одновременно несколько линий развития (как правило, накладывающихся друг на друга или противоборствующих) в межгосударственных отношениях как по «горизонтали», так и по «вертикали», т.е. уже выход на тенденции развития всего комплекса межгосударственных отношений в конкретной лимитрофной зоне или регионе современного мира;

е) обнаружение доминирующей тенденции в развитии того или иного сегмента мирового геопространства, или тренда;

ж) предложение своего варианта геополитического прогноза возможного развития ситуации на изучаемой «площадке».

Заметим, что выход на понимание (или хотя бы обнаружение) тренда – ключевой момент в прогностике ГНЗР. В общенаучном смысле, вслед за С.Б. Переслегиным, мы толкуем его как феномен, выразимый в количественных показателях (например, частотности и длительности тех или иных событий, той ли иной модальности), с видимой структурой изменений во времени [15]. Это предполагает, что упор делается на фиксации *ожидаемых тенденций* развития в том или ином ГНЗР в течение относительно длительного (желательно – как можно более длительного!)

периода времени, в рамках которого конкретные события, которые могут произойти, не столь уж важны – иные из них вообще могут быть абсолютно случайными или казаться таковыми.

Говоря о разработке прогнозных сценариев развития ситуации в каком-либо из регионов мира, в том числе в геополитически нестабильных зонах, вообще надо понимать, что мы имеем дело с *продолженными* тенденциями развития *существующих де-факто* межгосударственных отношений (интеракций, как любят говорить специалисты). При этом надо рассматривать основные комбинации этих отношений, соответствующим образом их шкалируя. Для того же, чтобы получить полную картину в обозримой перспективе, надо выполнить, по меньшей мере, три процедуры, работая при этом в трех режимах, а именно: а) проанализировать, улучшаться, ухудшатся или сохранятся в прежнем состоянии *отношения местных государств* друг с другом (речь идет, повторяем, о тех отношениях, которые имеют место сегодня); б) проделать ту же работу применительно к *взаимоотношениям местных государств с внерегиональными игроками*, имеющими в конкретной зоне (или регионе) мира важные для себя интересы; в) выяснить, в каких конкретно состояниях могут оказаться *взаимоотношения внерегиональных игроков*, которые обязательно *будут проецироваться на ситуацию в данном регионе*, отдаваться эхом в нем. При этом (понятно), работая в плане прогнозтики, следует делать поправку на возможное изменение геополитической конъюнктуры: и не только в конкретном регионе, но и в мире в целом.

Однако к делу можно подходить несколько иначе. Занимаясь геополитическим прогнозированием динамики ГНЗР, можно, например, использовать метод сценариев, который не позволяет ограничиваться разработкой лишь линейных планов как неких образов будущего. По справедливому замечанию А.Б. Елацкова: «Преимущество данного метода

заключается в динамической многовариантности прогнозируемого развития. В общем случае метод реализуется в виде ветвящегося на каждом новом этапе "сценарного дерева", вершины которого ассоциируются с возможными событиями и представляют собой реальные или мнимые точки исторической бифуркации (неустойчивости и неопределенности в развитии системы). <...> Качество прогноза в этом случае можно оценить по тому, насколько реальное развитие процесса приближено к предполагавшейся наиболее вероятной траектории внутри сценарного дерева» И еще важный момент, который подчеркивает данный автор: «Ключевой методологический прием – выявление перспективных геополитических угроз и возможностей разного генезиса на разных "узлах" сценарного развития». Автор при этом уточняет: «При краткосрочном сценарном прогнозировании может использоваться два подхода: исторический (объективистский) и игровой (субъективистский). В первом случае сценарий вырабатывается аналитически, во втором – с имитацией нескольких акторов в рамках деловой игры» [16].

Но и у работы по методу сценариев свои модификации. Можно, скажем, использовать те возможности, которые для специалистов открывает методика сценарирования Г. Кана, хотя мы не отбрасывали бы и составление методике «альтернативных сценариев» с ее модификацией в виде «рэнд-сценарирования». С чем это связано? Дело в том, что первая методика заключается в выделении базовых количественных и качественных тенденций развития и отслеживания изменений в той или иной системе под их воздействием. Средние показатели тенденций образуют «базовый сценарий», т.е. общую линию развития событий. Вариации в показателях и динамике тенденций образуют дополнительные или альтернативные сценарии. Особенность сценарного метода состоит в том, что он позволяет четко предсказывать направление и варианты развития событий, в том числе на среднесрочную и долгосрочную перспективу (при корректно указанных и отслеженных трендах), но он плохо

предсказывает даты и точный формат событий. Хотя именно это зачастую и именуется «прогнозом» [17]. Методика же составления «альтернативных сценариев» предполагает «работу» с гипертрофированным развитием той или иной тенденции. Итог сценариев – несколько «кривых зеркал», отображающих варианты будущего. С одной стороны, это хороший материал для размышлений на геополитические темы, но, с другой – не очень эффективный прогнозный инструмент.

Здесь на выручку приходит т.н. «рэнд-сценарирование» – более строгая методика, предполагающая выделение «драйверов» (основных факторов, влияющих на динамику геополитической ситуации в той ли иной зоне мира) и «неопределенностей» (так называемых джокеров – факторов и событий, воздействия и последствия которых не до конца ясны). Такой подход чрезвычайно важен, поскольку в современном мире грань между возможным и невозможным, между возможным и невероятным становится нечеткой, трудно различимой. Сказанное тем более справедливо, если принять во внимание турбулентный характер международных отношений и исторический опыт последних десятилетий, свидетельствующий о нарастающей геополитической неопределенности в мировых делах – когда реальностью становятся сценарии, которые ранее оценивались как абсолютно невозможные. «В таких условиях, - как замечают иные аналитики, – апеллировать необходимо не к опыту и знаниям эксперта и экспертного сообщества, опираясь на который выстраиваются краткосрочные перспективы, но к стратегической интуиции и долгосрочным трендам» [18]. Последнее много важнее. И здесь, между прочим, на помощь может как раз прийти знание азов геополитической науки. Ведь со времен великого Ф. Броделя, который, показав большие возможности географии, помог вернуть ей академический статус и органично ввел эту дисциплину в историческую науку, обогатив тем самым последнюю, мы знаем, по крайней

мере, следующее: «неизменные и вечные силы природы, а также окружающая среда ведут к формированию исторических тенденций, существовавших веками» [19]. Стало быть, некоторые «вещи» предопределены. Не исключение и ГНЗР. Зная это и отдавая себе отчет, с какой конкретно «площадкой» приходится мы имеем дело, т.е. характерны ли для нее какие-то *повторяющиеся* во времени тенденции развития, можно не просто «тыкать пальцем в небо», а выходить на вполне *реальное* будущее.

Вообще говоря, конечно, будущее – сложный «функционал». Работая с ним, важно учитывать разного рода факторы, или, как сегодня принято выражаться, «переменные». Но это – часть дела, поскольку надо обязательно учитывать еще одно обстоятельство, а именно: на то, каким *конкретно* будет прогнозируемая ситуация, как правило, влияет немалое количество факторов, которым еще только *предстоит* проявиться. Что в данном случае взять за точку отсчета? Вот тут-то и начинаются трудности. Причем, немалые...

Как указывает известный российский математик Г. Малинецкий: «В начале 1970-х годов в синергетике и нелинейной динамике Эдвардом Лоренцем был открыт горизонт прогноза. Наличие этого горизонта есть ограничение на возможность предсказывать состояние системы (Э.Н. Лоренц считается одним из основоположников теории сложности, или теории хаоса: впервые описал хаотическое поведение природных объектов при математическом моделировании погоды. В начале 1960-х годов пришел к выводу, что даже небольшие изменения в начальных условиях динамических систем, например, атмосферы, могут привести к значительным и часто неожиданным последствиям. – В.Р.) [20]. Причем ограничение принципиальное – ни совершенные алгоритмы, ни сверхмощные компьютеры не могут изменить ситуацию. Эти ограничения связаны с тем, что в нелинейных системах (даже очень простых...) малые причины могут иметь большие следствия. Эту неустойчивость математики называют

чувствительностью к начальным данным, а физики и журналисты – "эффектом бабочки" (Э. Лоренц был метеорологом, поэтому, исследовав простейшую модель конвекции в атмосфере, пришел к выводу, что взмах крыльев бабочки может стать причиной разрушительного урагана, который разразится за тысячи километров от того места, где это произошло). Однако это полбеды. Социально-технологические системы много более масштабны. Разные процессы имеют разные горизонты прогноза. Военные действия – дни или недели. Изменение образов массового сознания – полгода. Экономические реформы – 2-3 года, образовательные реформы – 5-7 лет, демографические процессы – 20-25 лет, эволюция международных отношений – 30-50 лет, исторические сдвиги – 50-80 лет, этногенез – века. Чтобы изменить тип жизнеустройства к лучшему, как показывает практика, нужно много десятилетий. Необходимо менять то, что находится за горизонтом нашего прогноза, и даже то, что мы не умеем сегодня описывать...<...> С математической точки зрения, принципиальное значение имело введение понятия фазового пространства возможных состояний системы и разработка способов описывать движение в этом пространстве» [21].

С того времени и утвердилось мнение о том, что предметом теории хаоса (нелинейной динамики) являются сложные системы, чувствительные к начальным (исходным) условиям. Именно эта чувствительность и делает хаос в глазах обывателя непредсказуемым делом, чреватым катастрофическим развитием событий. Так что вполне возможна ситуация: выскочит, например, откуда ни возьмись, как «черт из табакерки», какой-нибудь «джокер», который заранее не удалось просчитать, и на тебе – в системе начнутся неприятности, пойдут серьезные неполадки. Как показывают исследования, проводимые в рамках особого раздела синергетики – теории самоорганизующейся критичности, «во множестве

систем от биоценозов до системы тектонических плит характерной является динамика "прерывистого равновесия". В течение длительного времени малые случайные события ни на что не влияют, однако иногда они начинают "лавину перемен" – быструю, огромную и в конце концов приводящую к новому равновесию. Само наше появление на земле, по-видимому, одна из таких лавин» [22]. Весь вопрос: что это за случайное событие/события, что за «джокер», какова его «родословная», насколько он «репрезентативен» (отвечает «духу» этой самой ситуации)?

Учет данного обстоятельства важен еще и по той причине, что, чем динамичнее развиваются события в «проблемном» регионе или лимитрофной зоне с «повышенным индексом беспорядка», тем важнее роль субъективного фактора. Речь, естественно, идет о ЛПР и/или группе лиц, имеющей доступ к выработке и принятию ключевых вопросов в области внешней политики и политики в сфере безопасности государства. Ведь именно ЛПР и его «окружение» выбирают тот или иной вариант действий в проблемной ситуации, при этом они, участвуя в «Большой Игре», исходят из *своей* версии предпочтительного будущего. Но где гарантия, что их действия приведут к успеху, а не к ухудшению ситуации в ГНЗР – к тому, что станет реализовываться крайне нежелательный сценарий. Это значит, что данный субъект при всей своей видимой рациональности действует легкомысленно, т.е. опрометчивым образом и не адекватно ситуации. Но сценарий будущего в той или иной ГНЗР может стать даже катастрофическим, если аналогичным образом будут действовать и другие вовлеченные в процесс стороны (в лице своих ЛПР). Этого надо всячески избегать. Да, безусловно, оптимальным вариантом для выстраивания позитивного будущего ГНЗР было использовать методику имитационного игрового сценирования, которое весьма эффективно в определенных случаях [23]. Но межгосударственные отношения, тем более выстраивающиеся в режиме конфронтации и

конфликтности (а именно они определяют облик конкретных ГНЗР) – это не отношения внутри какой-то корпорации, ведомства или любой другой организации. ГНЗР – принципиально иная среда, где указанная методика мало применима.

К сожалению, международная среда становится все более турбулентной. Кроме того, «масла в огонь» к ней сегодня добавляют и новые «деструкторы». Помимо масштабных техногенных катастроф и природных катаклизмов (увы, и те, и другие все чаще дают о себе знать и ощутимо сказываются на жизнедеятельности отдельных сообществ); помимо геополитических «импровизаций» со стороны великих держав, выступающих в ГНЗР порой в роли настоящих «деструкторов» (существенно корректируя ход тех или иных конфликтов и/или умело «управляя» кризисными ситуациями, они не прочь заниматься выведением всякого рода искусственных «политий» на руинах разрушаемых ими нормальных государств. Как тут не вспомнить появление в историческом «сердце» Сербии – искусственного «гомункулуса» в виде криминального квазигосударства местных албанцев [21]), нельзя игнорировать появление в мировом геополитическом пространстве нового игрока – самого настоящего «джокера-деструктора». Это «Исламский Партизан», одержимый своим проектом – желанием создать Мировой Халифат. Выдающийся американский социолог и футуролог О. Тоффлер назвал их «глобальными воителями» [22], вознамерившимися бросить вызов основному принципу организации международной системы со времен Вестфальского мира – нациецентризму. Если говорить о феномене «Исламского партизана» в его современном воплощении (например, в таком его персонифицированном воплощении, как пресловутая «Аль-Каида») со строго научной точки зрения, то здесь, пожалуй, уместно сослаться на А.И. Уткина, давшего ему определение

нерегулярной армии глобального масштаба, ведущей в «неконвенциональной войне» бои низкой интенсивности [23].

В лице «глобальных воителей» мы сталкиваемся с явной претензией на роль полноценных акторов мировой политической сцены, с претензией на права, близкие или даже равные полноценным государствам, только в масштабе всего Мира. И эти претензии выглядят тем более оправданными в ситуациях, когда вместо полноценных субъектов международного права мы имеем дело с фрагментированными государствами, государствами, находящимися в состоянии полураспада или даже полного коллапса. По этому поводу востоковед Д.В. Суслов замечает: «Одна из основных мирополитических тенденций последних нескольких лет состоит в том, что в случае деградации государства и его неспособности управлять собственной территорией на его место приходят сети. Именно последние контролируют большую часть нынешних Ирака, Афганистана, часть африканского континента. Сети ведут все более и более ожесточенную борьбу с государствами за контроль над политическим пространством даже в "мирное" время» [24-27]. Одним словом, сетевики-исламисты выступают как абсолютно деструктивные силы. Не без их помощи плодятся в мире всякого рода «теневые зоны», в которых и без экстремистских групп, без террористических сетей есть кому, наводить «беспорядок» (речь идет о криминальных силах, а то и просто о преступных кланах, имеющих в своем распоряжении целые мини-армии).

Одним словом, даже находясь в хаосе, работая с такого рода «нюансами», нужен особый подход, нужны свои методы/методики прогнозирования. Но к этому не подойти, если не изменить исходную (привычную для многих) парадигму, в которой сегодня приходится работать с будущим, производить «процедуры» предвидения и/или прогнозирования. Спрашивается: чего в этом плане можно достичь, делая упор на

«устойчивость» и «стабильность» геополитических систем, когда мы выстраиваем прогнозные сценарии развития ситуаций в «Великом Пятиморье» (с захватом всего Магриба), в лимитрофной зоне Сахеля на стыке арабо-мусульманской и Черной Африки, на взрывоопасном Африканском Роге и/или в «Новой Центральной Азии» (с тугим «узлом противоречий» в лице Афганистана). Да практически ничего... Так что на все 100... прав все тот же С.Б. Переслегин, который пишет: «Современной зарубежной онтологической парадигмой экспертного прогнозирования является "гипотеза устойчивого развития", принятая лидерами G 8. Эта гипотеза не имеет под собой никаких разумных оснований, кроме благих пожеланий соответствующих лидеров (и, возможно, граждан "восьмерки")». На практике мир с начала XXI столетия вступил в полосу глобальных потрясений, зарницами которых являются разрушение башен-близнецов и перманентно расширяющийся конфликт на Ближнем Востоке. В этой связи любые технологические прогнозы, которые могут быть соотнесены с "гипотезой устойчивого развития", должны быть признаны заведомо ошибочными...» [28]. Мы полностью согласны с этим посылом автора. Единственное, что хотелось бы добавить к его словам, так это уточнить: речь, с нашей точки зрения, должна идти не только о *технологическом* развитии, т.е. о выстраивании траекторий будущего в развитии техники, технологий и управленческих нововведений, но прежде всего в политической области (геополитической в особенности).

Сказанным выше хотим донести до читателя: при работе с динамикой ГНЗР в аспекте их *будущих* состояний нужны допущения – допущения возможного/невозможного и особый учет как раз этого самого невозможного... А как еще иначе? Перефразируя непопулярного ныне классика марксизма, можно сказать так: «Жить в хаосе (читай: в сложноорганизованной и абсолютно нелинейной системе) и быть свободным

от него нельзя!»! В конце концов, надо научиться, например, понимать элементарные вещи: если система находится в точке бифуркации (разделенности, ветвления, т.е. выбора траектории дальнейшего движения), то даже самые малые воздействия могут иметь для нее серьезные последствия, вплоть до самых тяжелых и необратимых. В этом смысле полезно прислушаться к тому, что говорит, например, небезызвестный американский стратег и дипломат, эксперт в области «управляемых кризисов» С. Манн.

«Наше внимание пока еще заострено на краткосрочной международной реорганизации, – пишет он в одной из своих статей. – Будучи захваченными этим переходным моментом, мы упускаем и виду эпохальное. Научные достижения толкают нас за пределы ньютоновских концепций в экзотическую теорию хаоса и самоорганизованную критичность. Эти новые направления научных изысканий возникли лишь в течение последних 30 лет. Говоря в двух словах, они утверждают, что структура и стабильность находятся внутри самой видимой беспорядочности и нелинейных процессах». Американский специалист уточняет: да, конечно, термин «хаос» – не совсем удачное выражение, вызывающее ассоциации с бесформенностью и чистой случайностью, которые осложняют концептуальную задачу. Его вполне можно заменить термином «нелинейная динамика». Это не принципиально. Главное в том, что парадигма хаоса не противоречит классической парадигме. В действительности, теория хаоса происходит из классической физики и математики, но она превосходит их. Классический подход описывает линейное поведение отдельных объектов; теория хаоса описывает статистические тенденции очень многих взаимодействующих объектов». И еще один важный посыл автора: «Теория хаоса диктует условия, что она слишком сложна для того, чтобы делать долгосрочный прогноз. Сложность увеличивается с количеством акторов в системе и продолжительностью желаемого прогноза. Находясь на стартовой позиции, мы должны проявлять

подозрительность к долгосрочным прогнозам. Избежать этой порочной склонности нелегко. Мы цепляемся за веру в то, что могут быть карты, которые выведут нас из темного леса международных отношений. Но, возможно, поможет иная метафора: Мы должны вместо этого смотреть на фонарь с коротким лучом, освещающим наш путь, который поможет изменить наш мелкий ход на большие шаги» [29].

Полагаем, что здесь не грех было бы поучиться у тех же самых американцев (в частности, у исследователей и экспертов, работающих под эгидой Института сложности Санта-Фе) [30] – наших соперников на мировой арене, которые давно уже ведут соответствующие изыскания и скорректировали свою политику в области национальной безопасности и обороны и где надо, умело направляющих свое интеллектуально-организационное оружие против нашей страны [31].

В этой связи позволим себе еще одну важную мысль. Это, так сказать, наш «мессидж» в адрес власть предержащих, которые (создается такое впечатление) частенько просто забывают, чем и как они должны заниматься в сфере «Высокой Политики» и «Большой Стратегии», чем на самом деле и являются вопросы внешнеполитической деятельности государства и его политика в области безопасности; забывают или отводят на второй план вопросы геополитического проектирования и прогностики. Полагаем, это следствие той затянувшейся «стратегической паузы», о которой, как о черте мышления современной российской элиты, так убедительно пишет все тот же С.Б. Переслегин [32]. Отсюда – отсутствие у нее желания играть вдолгую. А здесь ей было бы чему поучиться у «других»: и у Запада, и у Востока (скажем, у тех же мудрых китайцев). У последних – особенно, учитывая не сиюминутный, сугубо конъюнктурный (как, у некоторых нынешних обитателей Кремля и Старой площади), а *стратагемный* характер мышления

политической элиты Китая, выросшей, в частности на трактате Сунь-Цзы. И не только его одного...

Полагаем, что многим вовлеченным в данный процесс лицам и институциям надо будет, что называется, «ломать себя на корню». Тем более, если то касается вопросов геополитики и геостратегии (не важно, на каком уровне они выстраиваются – глобальном или региональном). Понятно, что и на них сказывается постиндустриально-постмодерное потребление с его культурой «здесь и сейчас» (культурой «сиюминутности»), ориентирующее ее адептов на «чисто локальные тактики» [33]. Но правомерна ли такого рода «легкость в мыслях и действиях необыкновенная...» в серьезнейших внешнеполитических делах, в работе на «проблемных» мировых площадках или в нестабильных зонах мира?! Риторический вопрос.

С нашей точки зрения, в свете состояния дел в нашем «интеллектуально-политическом «хозяйстве», вообще встает вопрос о *смене самой парадигмы мышления и деятельности*. Ведь одно дело, когда ты имеешь перед собой относительно стабильные ситуации и, занимаясь их поддержанием, исходишь из модели «устойчивого развития системы»; другое – иметь перед собой (или даже находиться внутри них) процессы, отличающиеся многофакторной комбинаторикой, исход которых до конца не ясен! Но ведь именно последние заявляют о себе все чаще и все более весомо. Значит, необходим отказ о прежних устаревших и изживших себя механистических схем. Факты суть таковы: американцы уже давно провели адаптацию «теории сложности (хаоса)» к осмыслению вопросов мировой политики и безопасности, умело используя ее в ключевых для себя регионах. И главную роль в этом деле сыграл именно Институт в Санта-Фе, созданный в 1984 г. Через сотрудничество с ним за четверть века прошла немалая часть чиновников Пентагона и Госдепа, а также сотрудников крупнейших аналитических центров США, в том числе корпорации РЭНД. И понятно почему:

американское руководство осознало, что национальные интересы можно эффективно и с гораздо меньшими затратами обеспечивать гибкими методами, «плавающая в глобальном мире политического хаоса между островами стабильности и порядка»; что дестабилизация, игра на обострение ситуации – оптимальный способ обеспечения интересов страны (естественно, в ущерб интересам других). И сегодня Вашингтон, действуя по самым разным каналам (политическим, дипломатическим, разведывательным и информационным) это прекрасно демонстрирует на Ближнем и Среднем Востоке. Не является исключением также и «Новая Центральная Азия», где США (по крайней мере, внешне) контролируют ситуацию в такой важнейшей «точке» восточного сегмента Великого Лимитрофа, как Афганистан, с целью поддерживать очаг мощный очаг региональной напряженности, причем сразу для четырех государств – Китая, России, Индии и Ирана.

Из этого вытекает вывод: для тех лиц/институций в нашей стране, которые заняты вопросами выработки и осуществления внешней политики, а также решением соответствующих проблем в области политики безопасности (причем и то, и другое надо сегодня делать в условиях дефицита времени), должно быть понятно как день: мониторинг ситуации в геополитических зонах и регионах, отличающихся повышенной турбулентностью и нестабильностью, может и должен стать, прежде всего, мониторингом рисков, угроз и прямых опасностей. Первостепенное внимание при этом должно быть уделено зоне Великого Лимитрофа, особенно ее Балто-Черноморскому сегменту. Оценка ситуаций в ГНЗР современного мира, сопоставление различных вариантов их развития на такого рода «площадках» и вариативности в способах действий вовлеченных в соответствующие процессы субъектов должно стать *императивом* повседневной деятельности практиков. При этом они не просто могут, а обязаны прибегать к геополитическому и всякому иному консультированию и предварять

принятие решений серьезной научной экспертизой. Иначе сегодня нельзя «делать геополитику», как, впрочем, и «Большую Политику» вообще. Но, увы, все попытки создать нечто аналогичное *RAND Corporation* не приводят к успеху. Вроде бы на статус главного «мозгового треста» России не так давно претендовал Российский институт стратегических исследований (РИСИ), но то, в каком состоянии находится ныне это научно-экспертное учреждение, вызывает горечь и сожаление. А ведь были времена, когда (пусть на партию и государство) с большим успехом работали такие академические учреждения, как ИМЭМО, Институт США и Канады, Институт востоковедения и др. В ряду прочего их специалисты активно привлекались и к политической или геополитической экспертизе. Но, к сожалению, те времена прошли, а новых Примаковых у нас так и не появилось...

Звучит странно, но это факт! Хотя в нашей стране уже давно развивается такое междисциплинарное направление, как синергетика (теория самоорганизации). И пусть к ней до сих пор все еще неоднозначное отношение, но ведь заделы-то накоплены уже приличные и, кстати сказать, исследования в области синергетики идут в русле того, чем на Западе занимаются «люди из Санта-Фе» и других аналогичных структур. Почему это происходит? Да потому, что те люди или институции, кому по долгу службы и/или по статусу положено заниматься этим, по очень точному выражению Г. Малинецкого, «больны аутизмом и игнорируют неприятные вещи, как будто бы их нет...». К сожалению, у нас как не были в «почете», так и сейчас не в чести размышления о будущем, его серьезный анализ и основательная проектная работа [34]. В этом смысле нашей интеллектуальной публике, не говоря уже о политическом классе с его инерционным сознанием и недооценкой стратегического прогнозирования и соответствующего планирования, надо еще многому поучиться у своих западных коллег, которые много внимания уделяют как раз вопросам прогностики, причем

именно в контексте *изменения системной сложности* мира [35]. Но деваться некуда – неприятными *сложными* делами все равно придется заниматься! Иначе в условиях все обостряющейся борьбы на мировой арене, где сегодня, прежде всего, идет борьба геополитических «Образов» и «Проектов Будущего», России как крупному и самодостаточному государству просто не выжить, не устоять...

Литература

1. Рябцев В.Н. Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как актуальная задача: общий ракурс рассмотрения. Инженерный вестник Дона, 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4418.
2. Рябцев В.Н. Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как особая научная процедура: схема первого этапа. Инженерный вестник Дона, 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4419.
3. Рябцев В.Н. Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как особая научная процедура: схема второго этапа. Инженерный вестник Дона, 2018, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2018/5271.
4. Чижевский А.Л. [1924] Физические факторы исторического процесса // Химия и жизнь. –1990. – № 1. – С. 23.
5. Шмелев Н.П., Федоров В.П. Угрозы и прогнозы (к вопросу об их адекватности) // Современная Европа. – 2008. – № 1. – С. 5.
6. Кревельд М. ван. Трансформация войны / пер. с англ. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 296-297.
7. Уткин А.И. Новый мировой порядок. – М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. – С. 6, 17.

8. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. – М.: ИНФРА-М, 2017. – С. 144.
 9. См. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2009. – С. 27.
 10. См.: Елацков А.Б. Указ. соч. – С. 147. См. об этом также: Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: Московский рабочий, 2002. – С. 91.
 11. Неклесса А.И. Метаморфозы государственности. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита (2008 г.). URL: intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksander-neklessa.etamorfozy.htm
 12. См.: Переслегин С.Б. Указ. соч. – С. 27.
 13. См.: Переслегин С.Б. Указ. соч. – С. 27-28.
 14. Киреев Г. Проецирование геополитических катастроф (2005). URL: kireev.info/w-23.html
 15. См.: Переслегин С.Б. Указ. соч. – С. 661.
 16. Елацков А.Б. Указ. соч. – С. 146, 147.
 17. См. об этом подробнее: Переслегин С.Б. Указ. соч. – С. 19-29.
 18. См.: Речь Збигнева Бжезинского, произнесенная 14 октября 2011 в Нормандии во время получения премии Алексиса Токвиля. URL: [pandora open.ru/2011-11-15/rech-zbigneva-bzhezinskogo-proiznesennaya-14-oktyabrya-2011-v-normandii-vo-vremya-polucheniya-premii-aleksisa-tokvilya/](http://pandora.open.ru/2011-11-15/rech-zbigneva-bzhezinskogo-proiznesennaya-14-oktyabrya-2011-v-normandii-vo-vremya-polucheniya-premii-aleksisa-tokvilya/)
 19. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного / пер. с англ. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2016. – С. 337.
-

20. См.: Теория сложности (Complexity) и системный подход // URL: cih.ru/a1/f33.html
 21. Малинецкий Г. Проект «Россия» (2009 г.). URL: computerra.ru/395598/
 22. Малинецкий Г. Междисциплинарность, теория этногенеза и вызовы XXI века. URL: intelros.ru/subject/arta_bud/6162-mezhdisciplinarnost-teoriya-etnogeneza-i-vyzovy-xxi-veka.html
 23. См.: Переслегин С.Б.
 24. См. об этом: Овчинский В.С. «Независимость» Косово в зеркале теневой политики: Аналитический доклад. – М.: ИНФРА-М, 2008.
 25. См.: Тоффлер О. Метаморфозы власти / пер. с англ. – М.: АСТ, 2001. – С. 558.
 26. См.: Уткин А.И. Удар американских богов. – М.: Алгоритм, 2006. – С. 58.
 27. Суслов Д.В. «Иранский вопрос» в мировой политике XXI века и его возможное решение // Иранский мир и Юнг России: прошлое и современные перспективы / отв. ред. В.В. Черноус. – Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. – С. 154.
 28. Переслегин С.Б. Указ. соч. – С. 144.
 29. См.: Манн С. Теория хаоса и стратегическое мышление (2010 г.). URL: spkurdyumov.narod.ru/mann.htm
 30. См., например: Курдюмов В.С., Чернавский Д.С. Что такое Санта-Фе и нужен ли в России аналогичный институт? URL: spkurdyumov.ru/what/chto-takoe-santa-fe/
 31. См. об этом, например: Корсаков Г. Информационное оружие супердержавы: кибервойна и «управляемые кризисы». 4 мая 2012 г. URL: belvpo.com/10497.html
 32. См. Переслегин С.Б. Русская цивилизация: работа над ошибками // Изборский клуб. – 2017. – № 6(52). – С. 56.
-

33. Елистратов В. Россия как планетарное МЧС // Завтра. – 2017. – № 39 (сент.). – С. 4.
34. Малинецкий Г. Указ. раб.
35. См., например, два любопытных американских текста: Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США / пер. с англ. – М.: Европа, 2009; Сценарии дальнейших вторжений США. Официальные документы Пентагона: Сборник / под ред. С. Эллиотта. – М.: Европа, 2009.

References

1. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4418.
 2. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2017, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/N3y2017/4419.
 3. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2018, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2018/5271.
 4. Chizhevsky A.L. [1924]. Khimija I zhizn. 1990. № 1. pp. 23.
 5. Shmelyov N.P. Fyodorov V.P. Sovremennaya Evropa. 2008. № 1. p. 5.
 6. Kreveld M. van. Transformatsiya voyny. [War transformation]. Per. s angl. M.: ROSSPEN, 2008. pp.296-297.
 7. Utkin A.I. Noviy Mirovoy poriyadok. [New world order]. M.: Algoritm; Eksmo, 2006. pp. 6, 17.
 8. Elatskov A.B. Obtschaja geopolitika: voprosy teorii i metodologiiiv geogra-ficheskoy interpretatsii. [General geopolitics: questions of theory and methodology in geographic interpretation]. M.; INFRA-M, 2017. p. 144.
 9. Pereslegin S.B. Noviye karty buduchego, ili Anti-Rend. [New maps of the future, or Anti-Rend]. M.: AST, SPb.: Terra Fantastica, 2009. p. 27.
-

10. Elatskov A.B. Ukaz. soch. p. 147; Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustaliyov M.A. Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy. [Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations]. Moskovskiy rabochiy, 2002. p.91.
 11. Neklessa A.I. Metamorfozy gosudarstvennosty. Sotsiokulturnaya i politicheskaya mobilnost v usloviyah tsivilizationnogo tranzita (2008). [Metamorphosis of statehood. Socio-cultural and political mobility in the context of civilized transit]. URL: intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksander-neklessa.etamorfozy.htm
 12. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. p. 27.
 13. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. Pp. 27-28.
 14. Kireev G. Proetsirovaniye geopoliticheskikh katastrof [Projection of geopolitical disasters] (2005). URL: kireev.info/w-23.html
 15. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. p. 661.
 16. Elatskov A.B. Ukaz. soch. pp. 146, 147.
 17. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. pp. 19-29.
 18. Rech Zbigneva Bzhezinskogo proiznesennaya-14-oktyabrya-2011-v-normandiivo vremya olucheniya premii Aleksisa Tokvilya. [Speech by Zbigniew Brzezinski, delivered on October 14, 2011 in Normandy during the receipt of the Alexis Tocqueville Award]. URL: pandoraopen.ru/2011-11-15/rech-zbigneva-bzhezinskogo-proiznesennaya-14-oktyabrya-2011-v-normandii-vo-vremya-polucheniya-premii-aleksisa-tokvilya/
 19. Kaplan R. Mest geografii. Chto mogut rasskazat geograficheskije karty o grjaduchich konfliktach i bitve protiv neizbezhnogo. per. s angl. [Revenge of geography. What geographic maps can tell about the coming conflicts and the battle against the inevitable?]. М.:Ko-libri, Azbuka-Attikus, 2016. p. 337.
-

20. Teoriya Slozhnosti i sistemnyy podkhod. [Complexity theory (Complexity) and systematic approach]. URL: cih.ru/a1/f33.html
 21. Malinetsky G. Proekt «Rossija» (2009). [Project "Russia"]. URL: computerra.ru/395598/
 22. Malinetsky G. Mezhdistsiplinarnost, teoriya etnogeneza I vizovy XXI veka. [Interdisciplinarity, the theory of ethnogenesis and the challenges of the XXI century]. URL: intelros.ru/subject/arta_bud/6162-mezhdisciplinarnost-teoriya-etnogeneza-i-vyzovy-xxi-veka.html
 23. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. p. 144.
 24. Ovchinsky V.S. «Nezavisimost» Kosovo v zerkale tenevoy politiki: Analitichesky doklad. [Kosovo's "Independence" in the Mirror of the Shadow Policy: Analytical Report]. M.: INFRA-M, 2008.
 25. Toffler O. Metamorfozy vlasti. [Metamorphosis of power]. per. s. angl. M.: AST, 2001. p.558.
 26. Utkin A.I. Udar amerikanskih bogov. [Blow of the American gods]. M.: Algoritm, 2006. p.58.
 27. Suslov D.V. «Iranskiy vopros» v mirivoy politike XXI veka I ego vozmozhnoye reshenije. Rostov n/D: Izd-vo SKNTS VSH, 2004. p. 154.
 28. Pereslegin S.B. Ukaz. soch. p. 144.
 29. Mann S. Teoriya khaosa I strategicheskoye myshlenije (2010). [Chaos Theory and Strategic Thinking]. URL: spkurdyumov.narod.ru/mann.htm
 30. Kurdyumov V.S., Chernavskiy D.S. Chto takoye Santa-Fe I nuzhen li Rossii analogichnyy institut? [What is Santa Fe and does Russia need a similar institution?]. URL: spkurdyumov.ru/what/chto-takoe-santa-fe/
 31. Korsakov G. Informatsionnoye oruzhije superderzhavy: kibervoina I «upravlyaemye krizisy». [Information weapon of a superpower: cyber war and "guided crises"]. 4 maja 2012 g. URL: belvpo.com/10497.html
-

32. Pereslegin S.B. Izborsky klub. 2017. № 6 (52). p.56.
33. Elistratov V. Zavtra. 2017. № 39 (sent.). p.4.
34. Malinetski G. Ukaz .soch.
35. Mir posle krizisa, Globalnyje tendentsii – 2025: menjaychijsja mir. Doklad natsionalnogo razvedyvatel'nogo soveta SSHA. [The world after the crisis. Global Trends - 2025: A Changing World. Report of the National Intelligence Council]. M.; Evropa, 2009; Stsenarii dalneishykh vtorzheniy SSHA: Ofitsialnije dokumenty Pentagona: zbornik pod red. S. Elliotta. [Scenarios for further US invasions. Pentagon Official Documents]. M.: Evropa, 2009.